

Проблема религиозного языка и реалистическая феноменология: на материале геттингенских лекций А. Райнаха

Александр В. Кольцов

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия, avk-23@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена выявлению потенциала теоретического аппарата реалистической феноменологии для анализа молитвы как важнейшей формы религиозного языка. Для этого проблематизация молитвы в рамках религиозного дискурса (на примере трудов митр. Антония Сурожского и Р. Шеффлера) сопоставляется с теоретико-философскими положениями лекционного курса А. Райнаха «Введение в философию». В рамках обзора текстов митр. Антония и Шеффлера о молитве удается установить главную оппозицию – между каноническим литургическим текстом и субъективным опытом молящегося, – которая проявляется в рассуждениях с обыденной точки зрения и по-разному преодолевается религиозными мыслителями. В свою очередь, рассуждения Райнаха о некоторых закономерностях внутреннего опыта на примере художественной формы позволяют подойти к оппозиции формализованного канона и личного переживания с принципиально иной точки зрения. Изучая феномен эмпатии, Райнах приходит к тому, что традиционные категории «своего» – «чужого» применительно к переживанию должны быть заменены парой «непосредственное» – «опосредованное». С такой точки зрения гимнография представляется формой символического опосредования идеальных содержаний религиозного опыта, что позволяет говорить о «деприватизации» религиозного опыта как специфическом вкладе реалистической феноменологии в философию религии.

Ключевые слова: молитва, религиозный язык, реалистическая феноменология, символ

Для цитирования: Кольцов А.В. Проблема религиозного языка и реалистическая феноменология: на материале геттингенских лекций А. Райнаха // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2021. № 4. С. 32–42. DOI: 10.28995/2658-4158-2021-4-32-42

Issue of religious language and realistic phenomenology. Based on Reinach's Göttingen lectures

Alexander V. Koltsov

St. Tichon's Orthodox University, Moscow, Russia, avk-23@yandex.ru

Abstract. The article aims to discover potential of realistic phenomenology for analysis of prayer as the most significant form of religious language.

To that end, the prayer thematization in the framework of religious discourse (as exemplified in works of metropolitan Anthony of Sourozh and R. Schaeffler) is compared to theoretical statements of Reinach's lecture course "Einleitung in die Philosophie". The study of texts by metropolitan Anthony and Schaeffler on prayer identifies a basic opposition – between a canon liturgical text and subjective experience of the one who prays, that opposition manifests itself in reasoning of ordinary discussions on the topic and is overpassed in different ways by the religious thinkers. At another point Reinach's reflections on some regularities of inner experience, concentrating on the example of artistic forms, offer a new approach to the opposition between formalised ritual and personal experience. While analysing a phenomenon of empathy, Reinach concludes that traditional terms of "the one's own and the stranger's" applying to experience must be substituted with an opposition between the immediate and the mediated. From such point of view hymnography is comprehended as a form of symbolic mediation of the ideal contents of religious experience, which allows to speak about the "deprivatization" of religious experience as an original contribution of realistic phenomenology to the philosophy of religion.

Keywords: prayer, religious language, realistic phenomenology, symbol

For citation: Koltsov, A.V. (2021), "Issue of religious language and realistic phenomenology. Based on Reinach's Göttingen lectures", *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 4, pp. 32–42, DOI: 10.28995/2658-4158-2021-4-32-42

Прояснение формального своеобразия религиозного языка является одной из задач философии религии. В настоящей статье предполагается рассмотреть, какие возможности для анализа молитвы – как наиболее самобытной формы религиозной речи – представляет реалистическая феноменология¹.

¹ Стоит отметить, что феноменологические исследования религии внесли решающий вклад в выявление самобытного статуса молитвы как религиозного феномена и, в частности, в установление ее морфологических особенностей (см. соответствующие разделы труда М.А. Пылаева [Пылаев 2017]).

Адольф Райнах (1883–1917) известен как ключевая фигура раннего феноменологического движения и негласный лидер геттингенского философского общества, объединившего поколение учеников Гуссерля – сторонников так называемой реалистической феноменологии. Восприятие его в качестве религиозного мыслителя связано, во-первых, с сохранившимися записями, документирующими религиозное обращение философа в условиях Первой мировой войны и планы создать фундаментальный религиозно-философский труд, во-вторых, с его влиянием на последующее творчество Э. Штайн и М. Хайдеггера². Настоящее рассмотрение, однако, посвящено лишенному всяких религиозных коннотаций теоретико-философскому материалу лекционного курса «Введение в философию» (1913) и преследует задачу продемонстрировать применимость предложенного здесь аппарата к проблеме религиозного языка. Таким образом, предпринимается своего рода методологический эксперимент по сталкиванию двух изначально самостоятельных дискурсов: сугубо философские ходы мысли будут приложены к вопросам, формулируемым внутренней логикой религиозного сознания.

Молитва как центральный феномен религиозного языка

В постановке вопроса за точку отсчета примем рефлексию о внутренних закономерностях молитвы, разные по исходной направленности, но в то же время удивительно созвучные варианты которой обнаруживаются в трудах митр. Антония Сурожского и Р. Шеффлера. Молитва (имеется в виду прежде всего литургическая гимнография) как форма религиозного языка представляет особый интерес в силу того, что являет пример совмещения информативных и перформативных аспектов речи – в отличие, с одной стороны, от Священного Писания или доктринальных текстов (которые главным образом прочитываются как сообщение о чем-то) и, с другой стороны, от проповеди или исповеди (которые служат выражению опыта в открытой форме).

В самом общем виде проблема сводится к установлению соотношения между «каноническим» текстом молитв и *субъективным*

² Оба указанных аспекта вклада Райнаха в философию религии описаны в специальных исследованиях [Beckmann 2003; Bento 2017], анализ и проблематизация религиозных фрагментов Райнаха представлены в работе С.А. Коначевой [Коначева 2019, с. 139–148] и в моей публикации [Кольцов 2020].

опытом молящегося. При этом обыденной точке зрения свойственно видеть в каноне средство ограничения субъективно-личного элемента во имя универсального. Примечательно, что большая часть практико-ориентированной полемики осуществляется в рамках такого представления – в одном случае, это будет толковаться в положительно-аскетическом ключе, в другом случае, как репрессивно-формалистическое подавление непосредственного чувства³. Важно, что оба рассматриваемых автора, каждый по-своему решая поставленный вопрос, обнаруживают другие пути его постановки.

Как известно, митр. Антоний неоднократно возвращался в своих беседах к мысли о том, что, читая молитвы, надписанные именами святых, верующий приобщается к духовному опыту отцов Церкви. В этих рассуждениях следует выделить три значимых положения.

Во-первых, примечательно то, что нормой признается ситуация «недопонимания»: текст молитвы, как правило, не находит полного отклика в душе молящегося – «это не его опыт, это не стало его собственным опытом» [Антоний 2002, с. 735]. Причем такое положение вещей признается скорее благоприятным нежели наоборот: «Когда мы читаем молитвы святых, я думаю, мы часто могли бы сказать: я не могу этого сказать честно от себя» [Антоний 2002, с. 737].

Во-вторых, фиксированные литургические тексты наделяются в верующем сознании особым авторитетом, поскольку их содержание противопоставляется личному опыту современного христианина не как другой частный опыт (пусть более исконный или виртуозный), но как выражение того, что «Церковь признала как собственный голос» [Антоний 2002, с. 744]. Такой взгляд как будто приближает нас к обозначенной выше стандартной оппозиции канона и личного переживания, но существенная разница заключается в том, что, по мысли митр. Антония, универсальное раскрывается не в преодолении индивидуального, а, наоборот, в его глубинах.

В связи с этим стоит указать, в-третьих, на аскетический принцип личного «дорастания» до опыта Церкви. С одной стороны, это предполагает распознавание трансцендентной глубины такого опыта: «Когда мы находимся в храме на богослужении, мы знаем, что являемся частью чего-то бесконечно большего, нежели мы сами»; «Молитвы, которые были составлены святыми, превосходят наш опыт» [Антоний 2002, с. 745]. С другой стороны, всегда

³ В связи с этим любопытно наблюдение К. Барта о том, что ранние реформаторы (прежде всего, Кальвин) вообще не видят смысла в различении между записанными и спонтанными молитвословиями [Барт 2010, с. 9–10].

сохраняются условия к тому, «чтобы молитва святого стала *нашим* опытом» [Антоний 2002, с. 735], – для чего следует «врасти в язык, на котором эти молитвы до нас доходят» [Антоний 2002, с. 747]. Таким образом, речь идет о двоякой трансформации субъекта посредством религиозного языка – это, во-первых, ограничение и, во-вторых, одновременно с этим расширение границ его опыта.

Тому, что сказано о молитве митр. Антонием на «дескриптивно-аскетическом» уровне, удивительным образом созвучны рефлексивно-аналитические рассуждения Р. Шеффлера. Рассматривая молитву в контексте философии языка, он активно использует теорию речевых актов – причем обнаруживает, что еще до классических работ Остина и Серла основные положения этой теории были сформулированы Когеном именно в связи с анализом религиозных высказываний. Дело в том, что Коген усматривает двусмысленность в учении Канта об априорном характере этических суждений: признание каждого индивида заранее состоявшимся носителем практического разума логически приводит к психологическому прочтению этики – в то время как подлинно трансцендентальным оказывается представление о диалектической природе этического субъекта [Schaeffler 1989, S. 40–44]. В этом смысле верными духу кантианской философии оказываются ее критики (Гаман, Гердер и Гумбольдт), указавшие на то, что трансцендентальные категории имеют свой исток в языке [Schaeffler 1989, S. 38–40]. В соответствии с этим Коген сопрягает иудейскую религиозность с этикой и рассматривает заповедь и молитву как речевые акты, служащие конституированию морального субъекта.

В то время как Коген ограничивается религиозным обоснованием этики, Шеффлер расширяет обнаруженный у неокантианца ход мысли, понимая молитву как средство пробуждения религиозного сознания. Обратим внимание: то, что на уровне практической аскетики описывалось как внутренняя трансформация верующего, в философской рефлексии постигается как конституирование религиозного субъекта. Любопытно обратить внимание и на то, что представление о конститутивной роли речевых практик активно воспринимается эмпирическим религиоведением, однако претерпевая характерную мутацию: отказ от трансцендентально-общезначимого смысла религиозных высказываний оборачивается антропологическим релятивизмом – если в системе Когена религиозный язык представлен условием обретения субъектности как таковой, то антропологи фиксируют религиозность как инвариантную форму субъективности⁴.

⁴ См., например, недавнее исследование о когнитивных механизмах конституирования божественного [Luhmann 2020].

Феноменологический анализ художественной формы

Как было отмечено, в интересующей нас работе Райнаха нет специального осмысления религиозного языка. Однако важные в общетеоретическом плане положения содержатся в разделе, посвященном обсуждению внутреннего опыта [Reinach 1989, S. 382–393].

Соглашаясь с восходящей к Декарту традицией, считающей именно внутренние (психические) переживания – в отличие от внешних (физических) – аподиктически достоверными, Райнах обращает внимание на проигнорированное картезианцами обстоятельство: являясь абсолютно достоверным, внутренний опыт при этом уступает внешнему в отношении очевидности. Психические переживания нередко игнорируются, их регистрация в большинстве случаев требует специальной рефлексивной установки. С одной стороны, ближайшим следствием такого положения дел является обыденное обеднение внутренней жизни; поэты и проповедники являются теми людьми, кто свидетельствует о ее потенциальном богатстве. С другой стороны, невнимательность к собственной внутренней жизни легко допускает подмену подлинных переживаний «предписанными» шаблонами – именно так Райнах интерпретирует Бэконовы *идолы рынка*.

Первое подозрение в отношении религиозного языка связано именно с опасностью подмены: не являются ли канонические формы теми «предписаниями», которые ставят под угрозу подлинность непосредственного опыта? Рассуждения о трансформации или конституировании религиозного субъекта вполне оправдывают такую постановку вопроса. Необходимо, однако, указать на то, что, не отменяя сказанного, а наряду с ним, существует другая возможность интерпретации молитвы – как, наоборот, обогащения внутренней жизни.

Важные в этом отношении наблюдения содержатся в частных рассуждениях Райнаха о художественных формах. Искусство интересуется его как один из путей расширения горизонта внутреннего опыта – к примеру, поэзия способна нюансировать личные переживания, ранее воспринимавшиеся лишь в грубом обобщении. Философского внимания заслуживает то обстоятельство, что в этом случае в чужих свидетельствах узнается собственный опыт. В свете общепеноменологического различия между переживаемым (поема) и самим переживанием (poesis) можно говорить об идеальных содержаниях опыта, которые всякий раз осуществляются в индивидуальном акте – точно так же, как геометрическая теорема, не утрачивая своей тождественности, в разные моменты

бывает то мыслима, то нет. Таким образом, художественные образы являются указанием на соответствующие им идеальные содержания переживания, в то время как каждая их актуализация остается самостоятельным в событийном плане актом.

Следующим открытием становится то, что художественный язык способен не только нюансировать мои переживания, но и открывать доступ к качественно новому для меня опыту. Райнах обращается к классической для феноменологии теме эмпатии (*Einfühlen*), на примере которой удастся с особенной ясностью поставить вопрос о принципиальной возможности «со-переживания» чужого опыта. Известные попытки придать этому феномену субъективистское толкование («я испытываю печаль при виде чьего-то грустного лица») отменяются как не соответствующие сущностным аспектам самого понятия: речь о «сочувствии» по самой своей сути предполагает единство переживаемого – а именно, в вышеуказанном смысле, идеального единства нозматического содержания. Любые внешние проявления, инициирующие акт сочувствия, – будь то выражение лица, интонация и т. п., – надлежит понимать как знаки, отсылающие, подобно художественным образам, к общим смыслам. Это приводит Райнаха к важному выводу: для обозначения разницы между известными мне и новыми для меня переживаниями обычно привлекается – в действительности крайне неудачная – оппозиция «своего–чужого»; более соответствующей реальному положению вещей была бы оппозиция «непосредственного–опосредованного»: в одном случае переживания «постигают» меня как бы изнутри, возникая в потоке сознания, в то время как в другом случае их вызывает некий знак, сам являясь предметом внешнего восприятия. Для пояснения этой новой оппозиции Райнах приводит аналогию чтения на родном и иностранном языках: в первом случае мы нацелены на значение написанного непосредственно, в то время как при переводе сосредотачиваемся на переходе от слова к его значению [Reinach 1989, S. 392].

В связи с темой художественных форм сказанное позволяет понимать образы искусства как символы, отсылающие к идеальным элементам внутреннего опыта. В пример такой символизации Райнах приводит одушевление природы: высказывание «грустный пейзаж» хорошо нам понятно именно в силу того, что зрительный образ выступает символом определенного чувства, причем это чувство может раскрыться нам как потрясающе неведомое доселе. Сопоставление такого понимания художественных произведений с молитвой не только напрашивается само по себе, но и получает косвенное обоснование в беседах митр. Антония, когда постижение содержания литургических текстов сравнивается с вхождением в язык поэзии или с восприятием музыкального произведения

[Антоний 2002, с. 744, 746]. При этом последняя аналогия получает свое продолжение в свидетельстве о приобщении к новому опыту, выраженном чрезвычайно близко к тому, что было подмечено Райнахом, – митр. Антоний приводит следующее высказывание: «Какие-то струны, которые во мне спали, зазвенели, и я чувствую, что начинаю оживать» [Антоний 2002, с. 746].

Главным выводом из рассмотренного философского материала представляется «деприватизация» религиозного опыта. Сформулированная Райнахом концепция ценна тем, что позволяет, с одной стороны, сохранить значимость опытного измерения религиозности и, с другой стороны, увидеть в религиозном переживании нечто большее, нежели контингентно-субъективные переживания.

Итоги

При видимой, особенно с точки зрения теолога, предсказуемости указанных результатов соотнесения философского материала с религиозной проблематикой предпринятое рассмотрение представляется небесмысленным по нескольким причинам.

Во-первых, с историко-философской точки зрения оно интересно в связи с тем, что творчество Райнаха, как известно, получило религиозное завершение в его предсмертных записках. Неоднократные попытки реконструкции его философско-теологического замысла свидетельствуют о важности этих записок для последующего становления философской феноменологии религии; в свою очередь, внимание к потенциальным «выходам» более ранних исследований Райнаха в религиозную проблематику позволит предложить более убедительные интерпретации его позднейших разработок.

Во-вторых, на уровне более широких теоретических обобщений становится возможным уточнить распространяющееся представление о том, что в феноменологическом движении была начата деструкция нововременного проекта философии религии, результатом которого явилось постулирование «религии» как родового понятия, обладающего при этом особым универсалистским содержанием, не сводимым к исключительно христианским коннотациям данной категории. Несомненный перенос фокуса рассмотрения с собственно религии на религиозное переживание следует понимать не как отказ от выделения религии в особую категорию, но скорее как поиск ее предварительных обоснований.

В-третьих, видится уместным частное замечание о том, что представленный материал может быть интересен также и в контексте дискуссии о значении институциональных форм для

современной религиозности. В свете чрезвычайно популярной критики либеральной теологии, основанной на понятии религиозного опыта, как субъективистской особой ценности и оригинальность получает представленный ход мысли Райнаха, сохраняющий концепт религиозного опыта и при этом «деприватизирующий» его⁵.

Приведенные примеры и указанные возможности осмысления молитвы представляются, кроме прочего, важным свидетельством о ценности рациональной рефлексии для самопонимания религиозной традиции.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-00001 «Мышление бытия и вера Откровения: пути соотношения в немецкоязычной протестантской теологии и русской религиозной философии XX века».

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-00001 “Thinking of Being and Faith of Revelation. Ways of Correlation in German-speaking Protestant Theology and Russian Religious Thought of the 20th Century”.

Литература

- Антоний 2002 – *Антоний (Блум), митр. Сурожский*. «Я хочу поделиться с вами всем, что накопилось...» // Антоний (Блум), митр. Сурожский. Труды. Кн. 1. М.: Практика, 2002. С. 714–830.
- Барт 2010 – *Барт К.* Молитва. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2010.
- Кольцов 2020 – *Кольцов А.В.* «Религиозное переживание» как предмет философии религии в проекте А. Райнаха // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: «Богословие. Философия. Религиоведение». 2020. № 88. С. 60–79.
- Коначева 2019 – *Коначева С.А.* Бог после Бога: Пути постметафизического мышления. М.: РГГУ, 2019.
- Пылаев 2017 – *Пылаев М.А.* Категория «священное» в феноменологии религии, теологии и философии XX в. М.: РГГУ, 2017.

⁵ В позднейших религиозных фрагментах Райнаха будет сильно зависеть от Шлейермахера, при этом, по моему мнению, ему удастся предложить самостоятельное переосмысление либерально-теологических идей в феноменологическом ключе.

- Beckmann 2003 – *Beckmann B.* Phänomenologie des religiösen Erlebnisses: religionsphilosophische Überlegungen im Anschluss an Adolf Reinach und Edith Stein. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2003.
- Bento 2017 – *Bento S.S.* Martin Heidegger e o “Absoluto”. A apropriação fenomenológica dos fragmentos sobre filosofia da religião (1916–1917) de Adolf Reinach // *O Que Nos Faz Pensar*. 2017. Vol. 26. № 40. P. 353–380.
- Luhrmann 2020 – *Luhrmann T.M.* How God Becomes Real. Princeton: Princeton Univ. Press, 2020.
- Reinach 1989 – *Reinach A.* Einleitung in die Philosophie // Reinach A. Sämtliche Werke: textkritische Ausgabe in 2 Bänden / K. Schuhmann, Hrsg. München: Philosophia-Verlag, 1989. Bd. 1. S. 369–513.
- Schaeffler 1989 – *Schaeffler R.* Das Gebet und das Argument. Zwei Weisen des Sprechens von Gott. Eine Einführung in die Theorie der religiösen Sprache. Düsseldorf: Patmos, 1989.

References

- Anthony (Bloom), mitr. Surozhsky (2002), “Ya khochu podelit’sya s vami vsem, chto nakopilos’...” [I want to share with you all that I collected...], in Anthony (Bloom), mitr. Surozhsky, *Trudy [Works]*, Book 1, Praktika, Moscow, Russia, pp. 714–830.
- Barth, K. (2010), *Molitva [Prayer]*, Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andrey, Moscow, Russia.
- Beckmann, B. (2003), *Phänomenologie des religiösen Erlebnisses: religionsphilosophische Überlegungen im Anschluss an Adolf Reinach und Edith Stein*, Königshausen & Neumann, Würzburg, Germany.
- Bento, S.S. (2017), “Martin Heidegger e o ‘Absoluto’. A apropriação fenomenológica dos fragmentos sobre filosofia da religião (1916–1917) de Adolf Reinach”, *O Que Nos Faz Pensar*, vol. 26, no. 40, pp. 353–380.
- Koltsov, A.V. (2020), “ ‘Religioznoe perezivanie’ kak predmet filosofii religii v proekte A. Rainakha” [“Religious Experience” as a subject of philosophy of religion in A. Reinach’s Project], *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, vol. 88, pp. 60–79.
- Konacheva, S.A. (2019), *Bog posle Boga. Puti postmetafizicheskogo myshleniya [God after God. Trends in Postmetaphysical Thinking]*, RGGU, Moscow, Russia.
- Luhrmann, T.M. (2020), *How God Becomes Real*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Pylaev, M.A. (2017) *Kategoriya «svyashchennoe» v fenomenologii religii, teologii i filosofii XX veka [Category of “the Holy” in phenomenology of religion, theology and philosophy of 20th century]*, RGGU, Moscow, Russia.
- Reinach, A. (1989), “Einleitung in die Philosophie”, in Schuhmann, K. (ed.), *Sämtliche Werke: textkritische Ausgabe*, in 2 Bänden, Philosophia-Verlag, München, Germany, pp. 369–513.
- Schaeffler, R. (1989), *Das Gebet und das Argument. Zwei Weisen des Sprechens von Gott. Eine Einführung in die Theorie der religiösen Sprache*, Patmos, Düsseldorf, Germany.

Информация об авторе

Александр В. Кольцов, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23; avk-23@yandex.ru

Information about the author

Alexander V. Koltsov, Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 23, Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russia; avk-23@yandex.ru